

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЙ АВТОГРАФ ПУШКИНА «В ГОЛУБОМ НЕБЕСНОМ ПОЛЕ»

Публикация Т. Цявловской

Необычна судьба этого автографа. Пушкин случайно заложил листок в какой-то словарь, где он оказался как бы погребенным. Книга случайно оказалась потом не в библиотеке Пушкина, а среди книг его брата. Перелистывая спустя долгие годы словарь, Лев Сергеевич увидел листок с черновыми стихами, узнал руку поэта и с волнением стал разбирать написанное.

Выйдя на следующий день на прогулку (дело было в Одессе, в 1850 г., где доживал свой век нестарый, но больной Лев Сергеевич), он зазвал к себе встретившихся ему молодого чиновника Б. М. Маркевича, впоследствии известного реакционного публициста и романиста, и молодого поэта Н. Ф. Щербину, только что выпустившего в Одессе свой первый сборник стихов, положительно встреченный критикой. Экспансивному Льву Сергеевичу не терпелось поделиться своей находкой; к тому же, он рассчитывал, что молодые люди помогут ему разобрать трудный черновик.

«Мы пришли втроем к нему на дом, — вспоминал через тридцать лет Маркевич. — На письменном столе его кабинета лежали два пожелтевшие листка: один величиною в четвертушку, другой несколько подлиннее и с оборванным углом.

— Вообразите, — сказал он, взяв последний из них в руки, — вчера в старом словаре нашел у себя неизвестный оригинал брата!

Щербина кинулся к нему.

— Автографы великого! — воскликнул он восторженно, — позвольте прикоснуться благоговейными устами!..

Он склонился над бумагою. Лев Сергеевич был видимо тронут этим и поцеловал его в голову.

— Четыре стиха разобрал, — прелесть! — заговорил он опять. — А дальше не мог, перемарано очень; да и глаза ослабели; не поможете ли вы, господа?

Мы, разумеется, поспешили приняться за работу.

Четыре начальные, разобранные Львом Сергеевичем, быстрою рукою написанные стиха известны теперь всем:

Ночь темна. В небесном поле
Ходит Веспер золотой;
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой...

Затем следовало десять или двенадцать строк, с приписками на полях, но и те и другие были, действительно, так помараны широкими, очевидно нетерпеливыми размахами пера, что, кроме нескольких отрывочных слов,

которые привести в связь между собою мы никакой не находили возможности, ничего разобрать было нельзя. А между тем, судя по началу, какое обещалось тут новое сокровище!..

Побидись мы втроем с полчаса времени и отступились!»¹

Познакомил Лев Сергеевич с найденным им автографом и молодого чиновника, сотрудника плюшаровского энциклопедического словаря, театрального переводчика М. Н. Лонгинова, впоследствии литератора-библиографа, эволюционировавшего от умеренного либерализма своей молодости к самой крайней реакции. Лонгинов опубликовал «это бесподобное четверостишие»² через несколько лет в таком чтении:

Ночь светла; в небесном поле
Ходит Вesper золотой...

Тексту предшествовало объяснение: «...отрывок найден был братом поэта Л. С. Пушкиным, от которого я узнал его. Кажется, это начало стихотворения под заглавием: „Марино Фальеро“»³.

Вскоре после открытия автографа — 19 июля 1852 г. — Лев Сергеевич умер. П. И. Бартнев, начинающий пушкинист, будущий редактор «Русского архива», собиравший материалы для биографии Пушкина, обратился с просьбой к опекуну детей Л. С. Пушкина, С. А. Соболевскому, — «поискать в его <Льва Сергеевича> бумагах писем Пушкина. Из нижегородской деревни прислана была пачка писем, всего 34»⁴. В октябре 1853 г. Бартнев снял с писем Пушкина к брату копии, пометив под ними: «Эти письма пришли из Болдина от супруги Льва Сергеевича. При них было еще: 1) клочок бумаги, весь измаранный черновыми стихами Пушкина, из которых можно разобрать:

есса
Догар[ала] молодая
В голубом эфире
Светит месяц молодой
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой,

да и эти зачеркнуты, кроме пятого; еще около 10 стихов совсем нельзя прочесть».

Сбоку Соболевским написано: «приложение № IV (у Соб<олевского>)»⁵.

Дело в том, что Соболевский переплел письма Пушкина к брату в сафьяновый переплет и в конце подклеил несколько приложений, среди которых был и автограф стихотворения о дожде и догарессе.

В 1858 г. Соболевский, с разрешения вдовы Льва Сергеевича, передал письма Пушкина к брату в новый журнал «Библиографические записки», который и открылся их публикацией. В примечании редакция сообщила, что подлинники хранятся у Соболевского, и перечисляла приложения к письмам, соединенным в одну тетрадь. Среди приложений назывался и знакомый нам «клочок бумаги» с почти таким же чтением текста, как у Бартнева⁶.

В 1870 г. автографы писем Пушкина к брату были переданы в Румянцевский музей; но «приложения IV» — «клочка бумаги» со стихами — при них уже не было⁷.

Как мы видели, еще в 1856 г. М. Н. Лонгиновым было высказано предположение, что это — «начало стихотворения под заглавием „Марино Фальеро“».

Марино Фалиери (Фальеро) был избран венецианским дожем в середине XIV столетия (1354), в эпоху, когда в республике господствовал олигархический режим купеческой патрицианской верхушки и роль

дожа как главы исполнительной власти была ничтожна. Готовилось восстание демократических слоев, к которому примкнул и восьмидесятилетний Фалиери. Накануне дня, назначенного для выступления, заговор был раскрыт, дож арестован и приговорен к смертной казни — вместе с заговорщиками. Через два дня, 17 апреля 1355 г., с «лестницы гигантов» дворца дождей скатилась голова Марино Фалиери, отсеченная палачом. Такова история.

Предание говорит, что Фалиери вошел в заговор по личному поводу. Один патриций позволил себе оскорбить молодую жену дожа а затем и его самого. Разгневанный старик подал жалобу в сенат, который наложил на обидчика ничтожное взыскание.

Трагическая судьба Марино Фалиери вдохновляла художников во всех областях искусства. Гофман написал о нем новеллу (1819), Байрон — драму (1820), Казимир Делавинь — трагедию (1829), Кольбе (младший), Делакруа, Ш.-О. Гэ и Робер-Флери — картины (1816, 1829, 1833 и 1845), Доницетти — оперу (1835). И позднее, во второй половине XIX века, немецкие писатели — Крузе, А. Линднер, Мурад Эффенди, Валлот — интерпретировали трагедию венецианского дожа в драматической форме; английский поэт Свинбэрн посвятил ему лирико-дидактическое стихотворение».

Что именно направило мысль Пушкина к образу старого венецианского дожа Марино Фалиери, государственная деятельность которого обрывается трагической смертью, — неизвестно.

Несомненно лишь то, что образ злосчастного Марино Фалиери под пером Пушкина должен был озариться новым светом, как наполнялись глубоким психологическим содержанием образы Дон Жуана и Клеопатры, Мазепы и Дмитрия Самозванца, Анджело и Изабеллы, и других трагических героев мировой литературы — от обращения к ним гения Пушкина.

* * *

Прошло сто лет с того дня, когда случайная находка автографа, затерянного Пушкиным, сделала стихотворение достоянием читающей России. За это время ученые писали статьи о сюжете стихотворения, о его датировке⁸, поэты дописывали за Пушкина его стихотворение⁹. Недоставало только одного — текста Пушкина.

И вот, в 1951 г. черновой автограф Пушкина обнаружила студентка Историко-архивного института, Оксана Эрастовна Богданова, в альбоме автографов из собрания М. П. Полуденского (редактора «Библиографических записок») в Государственном историческом музее в Москве¹⁰. Молодая исследовательница натолкнулась на черновой автограф, вклеенный в альбом; на обороте полоски, на которой держался автограф, было написано: «А. С. Пушкин».

Нахождение места листка в тетради Пушкина дало бы возможность точнее датировать текст. По почерку и по черным чернилам автограф напоминает черновики «Медного всадника» и в особенности стихотворения «Чу! пушки грянули». Тем самым, его можно предположительно датировать осенью 1833 г.¹¹ Последние слова инородного текста отчеркнуты от черновика стихотворения штриховкой; внизу страницы один из стихов заштрихован характерной для рукописей Пушкина тридцатых годов формой удлиненного эллипсиса. Обрат лист — чистый.

Отрезан текст стихотворения от листа был, бесспорно, самим поэтом. Отсутствие на нем нумерации красными чернилами, делавшейся жандармами на рукописях Пушкина после его смерти, подтверждает то, что он не попался им на глаза; иначе говоря, он, очевидно, покоился в словаре.

Вот транскрипция текста новонайденного автографа:

[Ночь тиха] небесномъ
[воздушномъ]
[Догаресса молодая] полъ
[въ голубомъ] [эфирно<мъ>]
свѣтитъ Вesperъ
[блещеть] [мѣсяцъ] золотой —
[я]
Старый Дожъ плыве[тъ] въ гондолѣ
— —
Съ догарессой молодой — —
[Неб<о>] [Море тихо], [Ночь безмолвна]*
[Внемлютъ] [море блещеть]
[Ночь] Не [вечеръ<?>]
[Вѣтеръ] [Ночь] [не] [трепещеть]
[Не вѣется<?>]
[Флагъ] не трепещеть
[Вед<...>] [всюду] [слышенъ] [запахъ розъ]
[Бучентавра гордый флагъ]
[и лав<ра>]
[Ночь] [Вол<...>] [Возд<ухъ>] [дышитъ]
[за<пахъ><?>]
[Запахъ мирта], [запахъ лавра]
[Воздухъ полнъ] [дыха<нья>]
[Флагъ] [Воздухъ] Ночь полна <дыханья лавра>**
[Запахъ розъ] дремлютъ флаги
[Флагъ надменный]
темное [Буче<нтавра>]
[вѣется] [ви<ется>]
Море [Не и<граеть><?>] [играеть] Буче<нтавра>
молчить [мгла]
[Ночь безмолвна и тепла]
[дремлетъ] морская мгла
[Ноч<ь>] [Н<очь><?>]
[морская мгла]

Повидимому, текст возникал под пером поэта в следующей последовательности; первым был записан стих:

Догаресса молодая

Затем он был зачеркнут, и были написаны два стиха:

Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой

Выше были записаны к ним рифмы «поле» и «золотой», к которым подбирались стихи:

В голубом эфирном поле

*

В голубом воздушном поле

*

В голубом небесном поле

* Ночь безмолвна зачеркнута, восстановлено и вновь зачеркнута.

** В рукописи условный значок.

Блещет месяц золотой

*

Светит Вesper золотой

Четверостишие сложилось:

В голубом небесном поле
Светит Вesper золотой,
Старый дождь плывет в гондоле
С догарессой молодой.

Вesperом называли римляне (а за ними и поэты) планету Венеру, в момент ее появления после заката солнца; иначе — вечерняя звезда. Этим и объясняется сочетание в одной картине золотой звезды и голубого, еще не ночного, неба.

Сделав исправление в третьем стихе (вместо «плывет» — «плывя»), Пушкин продолжал:

Старый дождь плывя в гондоле
С догарессой молодой
Внемлют море блещет
< Флаг >
Флаг не трепещет

Но поэт тут же отменил поправку, вернулся к форме «плывет» и закончил строфу и синтаксически.

Во второй строфе должно было говориться о безветрии ночи; появляются варианты пятого стиха:

Море блещет
*
Море тихо
*
Ночь безмолвна море блещет
*
[Ночь] [Неб<о>]

Тут Пушкин оставляет рифму «трепещет — блещет» и стих «Флаг не трепещет» заменяет стихом:

Бучентавра¹² гордый флaг

Найдя звучный стих с новым, еще не слыханным в русской поэзии словом, поэт возвращается к описанию ночи в Адриатическом море:

Запах мирта, запах лавра
*
[Ночь] [Вол<...>] [Воз<дух>] [дышит]
*
Слышен запах роз и лав<ра>
*
Всюду запах роз и лав<ра>
*
Воздух полн дыха<нья лавра>
*
[Флаг] [Воздух]

Вот этот «окончательный» текст стихотворения, или, лучше сказать, начала стихотворения, как оно вычитывается по черновому автографу:

[В голубом] небесном поле
Светит Веспер золотой —
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.
[Воздух полн] [дыха(н)ья лавра)],
морская мгла,
Дремлют флаги буче(н)тавра),
[Ночь безмолвна и тепла].

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Б. Маркевич. Письмо к редактору «Варшавского дневника» Н. Н. Голицыну. — «Варшавский дневник», 1880, № 110, от 26 мая. Вторично (уже после смерти Маркевича) напечатано в «Русском вестнике», 1888, № 9, стр. 426—430.

² Этими словами определил Лонгинов текст в своем рукописном «Собрании разных стихотворений и прозаических статей А. С. Пушкина, не вошедших в издания его сочинений». Местонахождение подлинного сборника Лонгинова нам неизвестно. Мы пользовались в качестве одного из рукописных источников текстов стихотворений Пушкина для академического издания копиями этого сборника, сделанной по заказу С. Д. Полторацкого и им выправленной (см. II, кн. 2, 1012).

³ М. Лонгинов. Библиографические записки. XVIII. Два неизданных отрывка Пушкина (1827). — «Современник», 1856, № 7, отд. V, стр. 11.

⁴ Примечание П. Бартенева к статье «Пушкин в Южной России». — «Русский архив», 1866, стб. 1194.

⁵ М. Цявловский. Из пушкинианы П. И. Бартенева. I. Тетрадь 1850-х годов. — «Летописи Гос. лит. музея», кн. 1. Пушкин. М., 1936, стр. 499.

⁶ Лишь первое слово в печати осталось без исправления: «Догорала молодая». — Да в третьем стихе глагол «светит» был заменен — «блещет» (см. «Библиографические записки», 1858, № 1, стб. 1). Очевидно, публикация эта принадлежала П. И. Бартеневу. Возможно, что ему принадлежит и вся публикация писем Пушкина к брату.

⁷ См. М. Цявловский. Ук. соч., стр. 499.

⁸ См. Н. Лернер. Стихи Пушкина о Марино Фальери. — «Русский библиофил», 1913, № 2, стр. 25—31; Ю. Оксман. К вопросу о дате стихов Пушкина о старом дожде и догарессе молодой. — «Русский библиофил», 1915, № 3, стр. 92.

⁹ А. Н. Майков пытался закончить стихотворение Пушкина. См. «Старый дож» («Нива», 1888, № 17, стр. 426—427); вошло в собрание сочинений Майкова. Второй поэт, написавший продолжение стихотворения Пушкина, был М. Славинский («Догаресса» — «Север», 1896, № 29, стр. 998—999).

¹⁰ Гос. истор. музей в Москве. Отдел письменных источников. Фонд А. Д. Чертова (№ 445), ед. хр. 105, ч. 151 г, л. 40.

Автограф представляет собой небольшой листок (174 × 114 мм) плотной белой бумаги без водяных знаков. Правый и нижний края являются фабричными краями листа обрезанной бумаги. По верхнему краю листок отрезан от большого листа (являясь, очевидно, восьмушкой фабричного листа), причем конец находившегося там текста (четыре слова) попал на отрезанную часть; по левому краю листок оборван. Может быть, по бумаге и по линиям обреза и обрыва удастся установить, не вырезан ли листок из какой-либо рабочей тетради Пушкина. Однако утверждение Б. Маркевича, что листок был с оборванным углом, затемняет картину. Сейчас он ровный. Не обрезал ли его Соболевский, монтируя альбом писем Пушкина к брату? Или, может быть, Полуденский, монтируя свой альбом?

¹¹ В академическом издании собрания сочинений Пушкина отрывок «Ночь светла; в небесном поле» датирован 1824—1836 гг. (III, кн. 2, 1294).

¹² Бучентавром (или бучентавром) называлась длинная галера, нос которой был украшен фигурой бучентавра — мифологического быка с человеческим туловищем. Галера эта, роскошно отделанная золотом и скульптурой, служила только для празднества обручения венецианского дожа с морем — в знак господства Венеции над Адриатическим морем. Празднования эти, начавшиеся в XIV в., оборвались в конце XVIII в. вместе с потерей Венецией самостоятельности.